

- Бабина, И.Ю., Безукладова [и др]. Коллективная монография. – Москва-Тамбов, 2009. – 455 с.
3. Сапожникова Л.М. «Facebooken» и «gutenbergern»: деонимическая глагольная неология в современном немецком языке / Л.М. Сапожникова, А.Ю. Федотенков // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. «Филология». – 2012. – № 10. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 141-148.
4. Debus F. Namenkunde und Namengeschichte. Eine Einführung / F. Debus – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2012. – 280 S.

И.И.СИНЕЛЬНИКОВА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ В СЕМАНТИКЕ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В конце XX-начале XXI века одним из важнейших направлений в лингвистических исследованиях стал антропоцентризм. Это явление понимается как положение о человеке – центре и высшей цели мироздания. Принцип антропоцентризма, или «человека в языке» утверждался в языкознании со времен В. фон Гумбольдта, в работах которого берет свое начало признание человека феноменом, консолидирующим науку о языке. Сам же язык выступает у Гумбольдта в качестве важнейшего антропологического фактора: «Человек думает, чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им, чтобы понимать даже не воздействующее через язык искусство. Но он чувствует и знает, что язык для него – лишь средство, что вне языка существует некая незримая область, в которой он лишь с помощью языка стремится освоиться» [Гумбольдт 1985:77].

Французский ученый Э. Бенвенист, считая язык сложнейшим явлением, писал, что свойства языка настолько своеобразны, что можно по существу говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики. Одну из частей своего фундаментального труда «Общая лингвистика» он назвал «Человек в языке» и одним из первых ввел понятие автора и адресата в качестве необходимых компонентов в описание языка.

Э. Бенвенист сделал решительный шаг к антропоцентрической лингвистике. Он представил язык как семиотическую систему, основные референционные точки которой соотнесены с говорящим индивидом. Язык лежит в диапазоне естественного восприятия человека. Он не пересекает границ этого восприятия ни со стороны плана выражения, ни со стороны плана содержания. Эти черты лингвистической концепции Э. Бенвениста Ю.С. Степанов

называет антропоцентрическим принципом, который относится к числу главных принципов современной лингвистики. Во вступительной статье к книге Э. Бенвениста «Общая лингвистика» он пишет: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка. В соответствии с ним язык должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке...» [Бенвенист 1974: 15].

Во Франции антропоцентрический принцип нашел свое выражение в работах Г. Гийома, который писал, что язык не имеет иной объективности, кроме той, которая устанавливается в самых глубинах субъективного [Guillaume 1971: 17].

В отечественном языкознании принцип антропоцентризма утверждал И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он писал, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное общество». Он выделял антропофонику как науку, которая занимается «только звуками по существу своему исключительно человеческими, то есть звуками человеческой речи» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 354].

В современных исследованиях принцип антропоцентризма нашел свое отражение в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Р.А. Будагова, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой и др.

Человек является центром, определяющим основные задачи и ценностные ориентиры современной лингвистики. Утверждение, что язык всецело человечесен, будучи очевидным, лишь подчеркивает социальную обусловленность, которая проявляется в том, что язык развивается по объективным законам, не зависящим от воли людей. Одновременно он подвержен воздействию со стороны говорящих на нем людей, в особенности в таких сферах, как лексика и фразеология. В этом, по мнению Р.А. Будагова, и заключается специфика существования самого языка и особенностей его развития: воздействие людей на те или иные уровни языка не препятствует объективному существованию и движению языка [Будагов 1974: 422].

В 90-е годы XX века антропоцентризм окончательно оформляется как один из главных принципов лингвистики и становится методологической основой современных лингвистических исследований. Его суть, как отмечает Е.С. Кубрякова, заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 321].

В настоящее время в науке о языке одновременно существуют несколько парадигм: антропоцентрическая, функциональная, коммуникативная, когнитивная, текстоцентрическая, прагматическая, эмотиологическая и

др. Выделяют также историческую, психологическую, системно-структурную и социальную парадигмы [Караулов 1987]; философию имени, философию предиката и философию эгоцентрических слов. Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др. называют современную парадигму изучения языка когнитивной. Е.А. Попова считает, что когнитивная лингвистика – это один из способов изучения языка в человеке и человека в языке, а термин «антропологическая» применительно к современной парадигме изучения языка является наиболее удачным, по мнению автора, так как «позволяет охватить и когнитивную, и функционально-коммуникативную, и этнолингвистическую стороны изучения языка» [Попова 2002: 71].

В современной лингвистике идея антропоцентричности является ключевой. С позиций антропоцентрической парадигмы человек познает мир через осознание себя, своей деятельности в нем. Антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о переходе к антропоцентрической лингвистике, которая предполагает исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом. Результатом такой переориентации является появление и развитие эмотиологии – науки, изучающей отражение эмоциональных состояний в языке.

Антропоцентрический принцип в лингвистике находит свое выражение через фразеологический фонд, который представляет собой источник выразительности, образности, эмоциональности и оценочности. Фразеологизмы способны в тончайших подробностях передавать восприятие окружающей действительности носителями языка.

Различные аспекты фразеологии подвергались исследованию в разные периоды времени такими лингвистами, как Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельский, Ш. Балли, И.А. Бодуэн де Куртене, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, В.П. Жуков, М.М. Копыленко, А.В. Кунин, Н.Н. Кириллова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, Я.И. Рецкер, З.Д. Попова, Л.И. Ройзензон, В.Н. Телия и др.

Исследование фразеологии на основе принципа антропоцентризма привело к появлению и развитию антропоцентрической фразеологии, важнейшей задачей которой является «исследование соотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов фразеологических единиц, ибо во фразеологическом значении кодируется лишь часть мыслительной информации, в то время как другая ее часть представляется в психике человека мыслительными образами экстралингвистического характера» [Алефиренко 2005: 71].

Фразеологический фонд языка является частью фразеологической картины мира (ФКМ), которой присущи особенности и специфические черты, характерные для конкретного языка.

Фактический материал, анализируемый в настоящей статье, репрезентирует наличие у эмотивных фразеологических единиц эмоционально-оценочной энантиосемии, под которой мы, вслед за В.Н. Цоллер, понимаем

присутствие в семантической структуре ФЕ значений с противоположными по знаку эмоционально-оценочными компонентами. Природа эмоционально-оценочной энантиосемии, как отмечают исследователи, отражает две тенденции языкового развития, заключающиеся в том, что одно и то же явление действительности может по-разному оцениваться и вызывать различные чувства со стороны говорящего [Цоллер 2000: 56].

Так, например, удивление представляет собой эмоциональное состояние, которое возникает как реакция на положительную или негативную информацию. Исходя из того, что значение любой ФЕ, в том числе и выражающей удивление, формируется как результат ассоциативно-образного переосмысления значений ее компонентов, можно заключить, что варьирование содержания фразеологизма находится в зависимости от взгляда на фактор, лежащий в основе ФЕ. Так, выражения *que diable!* 'черт возьми!', *quel diable l'avait poussé* 'какой черт его дернул' могут иметь как положительное, так и отрицательное значение:

– *Que diable faites-vous de l'argent?* – *Je le dépense* (G. de Maupassant. *Mont-Oriol.*) – **Черт возьми, что вы делаете с деньгами?** – *Я их трачу.*

В данном примере удивление имеет отрицательную коннотацию.

Que diable! Je ne t'ai pas vu depuis des années! – **Черт возьми! Не видел тебя сто лет!**

В этом восклицании удивление передается с явным положительным знаком.

Выражения типа *que diable!* 'черт возьми!', *oh, là-là!* 'ну и ну!', *merde alors!* (разг.) 'ну и ну!', 'черт возьми!' можно отнести к междометным фразеологизмам с эмоционально-оценочной энантиосемией.

Кроме междометных фразеологизмов, эмоционально-оценочной энантиосемией обладают ФЕ так называемого коннотативно-номинативного типа. В исследуемом материале к ним относятся такие идиоматические выражения, как: *les mains t'en tombent* 'не могу прийти в себя (от удивления)'; *comprimer le cœur à deux mains* 'хвататься за сердце'; *battre des cils* 'хлопать, моргать глазами'. Причем, две последних ФЕ, кроме удивления, выражают другие эмоциональные состояния: испуг, восторг, горе и, таким образом, будучи энантиосемичными, одновременно являются в широком смысле полиэмоциональными.

– *C'est vrai, Martinon? Tu veux m'épouser?* – *C'est vrai, mais arrête de battre des cils et de comprimer ton cœur à deux mains* (M. Aymé. *Les Oiseaux de la lune*). – **Это правда, Мартинон? Ты хочешь на мне жениться?** – **Правда, но перестань хлопать глазами и хвататься за сердце.**

Ярким примером проявления эмоционально-оценочной энантиосемии у фразеологизмов является ФЕ *la bouche en cœur* (*en cul de poule*) (разг.) '1) улыбаясь, как ни в чем не бывало; 2) недовольно, поджав губы'.

– *M. Cousinet, d'abord un peu gêné par les inutiles indiscretions*

de Lisette, s'inclina la bouche en cœur... (C. Vatel. *Mon curé chez les riches*). – Господин Кузине, вначале несколько смущенный излишней откровенностью Лизетты, поклонился с улыбкой.

— *Comme il a dit: "Je suis fatigué", madame Semblijan, la bouche en cœur, questionne ...* (P. Vialar. *Pas de temps de mourir*). – Когда он сказал: "Я устал", мадам Самближан недовольно спросила ...

Данное фразеосочетание выступает как полиэмоциональное, выражающее ЭС «Смех» и ЭС «Огорчение» и относящееся к различным микрополям фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека». Одновременно оно энантиосемично, так как обладает противоположными значениями.

Как видно из примеров, энантиосемичными могут быть как предикативные, так и субстантивные ФЕ, а также выражения, представляющие собой полносоставные предложения.

Основной в семантике энантиосемичных фразеологизмов является сема интенсивности. Степень эмоциональной интенсивности представляет собой обобщающее условное понятие, которое отражает градацию проявлений эмоций в языке, таких ее показателей, как: отчетливость, длительность, самостоятельность, сила. Эти показатели свидетельствуют об изменении степени состояния, одновременно являясь его дополнительными параметрами. Однако не всякие фразеологизмы обладают эмоционально-оценочной энантиосемией. Отсутствие яркого образа, лежащего в основе значения идиомы, лишает ее возможности менять значение на противоположное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Пер. с фр., под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
4. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 262 с.
5. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. / В. Гумбольдт. – Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века : (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания, Рос. гос. гуманитар. ун-т ; под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 321-341.
7. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е. А. Попова // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 69-77.
8. Цоллер В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 56-64.
9. Guillaume G. Leçons de linguistique / G. Guillaume ; publ. sous la dir. de R. Valin,

К.В. ТОЛЧЕЕВА

Липецкий государственный педагогический университет

КУМУЛЯТИВНЫЙ ХАРАКТЕР СЛОВА В ДРАМЕ

(на материале французского языка)

В последнее время драматургический текст как результат сложного процесса внутри многомерного и гетерогенного в полилоговом смысле лингвостетического дискурса вызывает все больший интерес отечественных и зарубежных исследователей из разных областей научного познания, что парадоксально и одновременно закономерно показывает сложность и неоднозначность поставленной проблематики. Возможно, с одной стороны, это связано с желанием преодолеть кажущееся неразрешимым противоречие, протекающее из весьма распространенного убеждения, что писать о театре невозможно, ибо, как утверждал известный прогрессивный итальянский театральный режиссер, один из создателей миланского «Пикколо театро» Джорджо Стрелер, «театр – это пластическое искусство, к тому же искусство, которое живет один миг и сразу сгорает. По поводу театра нельзя теоретизировать, театр рассказывает о себе и объясняет, какой он, только средствами театра. Суть театра можно познать только через театр» [Стрелер 1984: 7]. Безусловно, данное утверждение не лишено оснований хотя бы потому, что любое систематическое изложение, бесконечные теоретизирования по поводу театра противоречат самому «духу театра».

С другой стороны, слово в драматургическом тексте обладает рядом особенностей, обуславливающих его «гибридный» характер, генетически заложенную в нем «полиморфность», в полной мере реализуемую в процессе его сценической препарации и реализации. Приведем для иллюстрации этой феноменологической особенности драмы мнение выдающегося теоретика *Театра жестокости* Антонена Арто: «Актер, не повторяющий дважды одного и того же жеста, но все же прибегающий к жестам, движется; это значит, что он грубо искажает формы, но за этими формами и даже посредством уничтожения этих форм он соединяется с тем, что выживает в разных формах и способствует их продолжению» [Artaud 1985: 36].

Эта особенность «текстуры» драматургического текста, которая могла бы быть описана, с нашей точки зрения, как некое полиморфное явление, вычленяется благодаря кумулятивному характеру слова в драме. Подобная экстраполяция проблемы изучения драматургического текста в область наук, изучающих явления совершенно иного порядка, на первый взгляд может показаться неуместной. Действительно, что может быть общего у лингвистических штудий с военным инженерным делом, не говоря уже об исследо-